
ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

FROM THE HISTORY OF THE INTELLIGENTSIA

Интеллигенция и мир. 2022. № 1. С. 9—30.

Intelligentsia and the World. 2022. No. 1. P. 9—30.

Научная статья

УДК 94(410) “1660-1714”

DOI: 10.46725/IW.2022.1.1

ФЕНОМЕН КОФЕЙНИ — ИННОВАЦИОННАЯ ФОРМА ДОСУГА ЛОНДОНСКОГО ОБРАЗОВАННОГО ОБЩЕСТВА ЭПОХИ ПОЗДНИХ СТЮАРТОВ ИЛИ?..

Владимир Александрович Евсеев

Ивановский государственный университет,

Иваново, Россия, yevseyev@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-7395-1726>

Аннотация. Отдых и развлечения всегда были важной частью повседневной жизни человека. Вторая половина XVII века внесла в привычный образ времяпрепровождения городского жителя Англии, а в первую очередь столичного, значительные изменения, неразрывно связанные с дальнейшим ростом их благосостояния, которое можно было тратить и на новые виды досуга. Этому аспекту эволюции вида отдыха способствовал и тот факт, что с началом Реставрации ослабевает строгий пуританский надзор за сферой отдыха и развлечений. Пионерами же в новых направлениях сферы досуга становится придворная знать и лондонская городская элита. В правление поздних Стюартов происходит известная трансформация в формах отдыха и развлечений по сравнению

с временами Шекспира. Феномен появления кофеен свидетельствует о возникновении новой эстетики досуга зажиточных и образованных социальных слоев столичного общества Англии эпохи поздних Стюартов. Кофейни этого времени служат примером того, что происходил процесс рационализации досуга, т. е. свободное времяпрепровождение англичанина приобретает практический смысл, тесно переплетаясь с его эстетическими ценностями и профессиональными интересами. Досуг в кофейнях становится частью делового этикета предпринимательских кругов Сити, которые собирались в кофейнях «Ллойд», «Гарвей» и «Джонатан», находившихся рядом с Королевской биржей. Литературная элита столицы собиралась в кофейнях «Уиллс» и «Кнопка», а художественная богема — в «Слаутере». Кофейни стали новым видом досуга с более высокими эстетическими запросами для их посетителей и соответствующими правилами поведения. Однако дух меркантилизма и рационализма, который процветал в эту эпоху, приводил к тому, что часть посетителей этих заведений совмещала досуг и профессиональную деятельность.

Ключевые слова: новый вид досуга, кофейни, эпоха поздних Стюартов, образованное столичное общество

Для цитирования: Евсеев В. А. Феномен кофейни — инновационная форма досуга лондонского образованного общества эпохи поздних Стюартов или?.. // Интеллигенция и мир. 2022. № 1. С. 9—30.

Original article

THE PHENOMENON OF THE COFFEE HOUSE — AN INNOVATIVE FORM OF LEISURE OF LONDON'S EDUCATED SOCIETY OF THE LATE STUART ERA OR?..

Vladimir A. Evseev

Ivanovo State University, Ivanovo, Russia,
yevseyev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7395-1726>

Abstract. Recreation and entertainment have always been an important part of a person's daily life. The second half of the XVII century made significant changes in the usual way of spending time of the city dweller of England, and first of all of the capital. These changes were inextricably linked with the further growth of their well-being, which could be spent

on new leisure activities. This aspect was facilitated by the fact that with the beginning of the Restoration, strict Puritan supervision over the sphere of recreation and entertainment weakened. The court nobility and the London urban elite become pioneers in the new kinds of leisure. In the reign of the late Stuarts, there is a certain transformation in the forms of recreation and entertainment compared to the times of Shakespeare. The phenomenon of the appearance of coffee shops testifies to the emergence of a new aesthetics of leisure of wealthy and educated social strata of the capital society of England of the late Stuart era. Coffee houses of this time serve as an example of the fact that there was a process of rationalization of leisure, i. e. the free pastime of the Englishman acquires practical meaning, closely intertwined with his aesthetic values and professional interests. Leisure in coffee shops becomes part of the business etiquette of the business circles of the City, which gathered in the coffee shops “Lloyd”, “Harvey” and “Jonathan”, located next to the Royal Exchange. The literary elite of the capital gathered in the coffee shops of “Wills” and “Button”, and the artistic bohemia in “Slaughter”. Coffee shops have become a new form of leisure with higher aesthetic demands for their visitors and appropriate rules of conduct. However, the spirit of mercantilism and rationalism, which flourished in this era, led to the fact that some visitors to these institutions combined leisure and professional activities.

Keywords: a new kind of leisure, coffee shops, the era of the late Stuarts, the educated metropolitan society

For citation: Evseev, V. A. (2022), ‘The phenomenon of the coffee house — an innovative form of leisure of London’s educated society of the late Stuart era or?..’, *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1, pp. 9—30 (in Russ.).

Введение

Актуальность. Отдых и развлечения всегда были неотъемлемой частью повседневной жизни человека независимо от его социального и имущественного статуса. Вторая половина XVII века внесла в привычный образ времяпрепровождения городского жителя Англии, и в первую очередь столичного, значительные изменения, неразрывно связанные с дальнейшим ростом городов, а также с тем, что открылись новые экономические горизонты, новые источники для получения больших прибылей, которые можно было тратить и на новые виды досуга. Этому аспекту эволюции вида досуга способствовал и тот факт, что

с началом Реставрации ослабевает строгий пуританский надзор за сферой отдыха и развлечений. Пионерами же в новых направлениях сферы досуга становятся придворная знать и лондонская городская элита. В правление поздних Стюартов происходит известная трансформация в формах отдыха и развлечений по сравнению с временами Шекспира.

Историографический обзор. Многие из исследователей, кто, так или иначе, изучал досуг английских горожан раннего Нового времени, отмечали, что из огромного числа напитков, употребляемых в Англии, кофе стал одним из самых популярных и, можно сказать, культовых. Однако этому феномену современные отечественные авторы уделяют не более страницы текста [Киясов, Мосолкина, Чернова, 2015: 49—50; Евсеев, 2019: 535—536]. Такое же краткое упоминание о кофейнях дано и в знаменитом труде Дж. Тревельяна «Социальная история Англии» [Тревельян, 1959: 340—341]. Современные британские беллетристы Морин Уоллер [Уоллер, 2003] и Питер Акройд [Акройд, 2016] в своих научно-популярных работах уделили лондонским кофейням примерно по четыре — пять страниц текста каждый. У этих авторов отсутствует научно-справочный аппарат, но, судя по тексту, они использовали произведения Аддисона, Свифта и Дефо, а также труд известного английского историка середины XIX в. — Томаса Маколей «История Англии», который также обращался к истории кофейен, посвятив им пять страниц текста [Маколей, 1866: 305—309]. Однако у Т. Маколей всего одна сноска, откуда он брал сведения для своего описания кофейен [Маколей, 1866: 308]. Современник Т. Маколей — Джон Тимбс — издал в это же время двухтомный труд о клубной жизни Лондона, во втором томе которого отдельная большая глава посвящена истории кофейен [Timbs, 1866]. Этот труд имеет популяризаторский характер, ибо в нем отсутствуют сноски. Джон Тимбс дал краткую историю почти трех десятков лондонских кофейен от их возникновения до начала XIX в. Приведенная им информация опирается на реальные свидетельства современников той эпохи (С. Пипс, Д. Дефо, Д. Аддисон, Р. Стил и др.), хотя автор и не включает конкретные ссылки на эти источники. Однако этот труд дает ценные сведения для нашей работы.

Современная англоязычная историография на рубеже XX—XXI вв. достаточно плотно занялась исследованием феномена лондонских кофеен эпохи Реставрации. Например, Стивен Пинкус и Джон Соммервил видят в кофейнях место политических дебатов эпохи Реставрации [Pincus, 1995]. Более подробно историографические аспекты изучения лондонских кофеен XVII—XVIII вв. в современной англоязычной литературе рассматриваются в работах Брайана Коуэна — профессора Йельского университета [Cowan, 2004: 22—26, 2005, 2013]. Осенью 2013 г. он провел и международный семинар по проблемам кофеен.

Постановка вопроса. Целью нашей работы является ознакомление отечественного читателя с процессом становления кофеен — новой формы досуга в повседневной жизни образованного городского общества Лондона в эпоху поздних Стюартов. Для этого мы постараемся выяснить факторы, которые способствовали появлению этого феномена. Рассмотрим первые шаги возникновения кофеен. Реакцию на них королевской власти и регулирование их деятельности. Постараемся привести наиболее яркие примеры, которые были характерны для той или иной кофейни. Исходя из особенностей посетителей тех или иных заведений, попробуем определить основные тренды их деятельности — отдых, развлечения или бизнес.

Для реализации этой задачи мы использовали свидетельства о кофейнях из газет, дневников, произведений писателей той эпохи, а также информацию из англоязычной литературы по данной теме.

Методология и методы исследования

В данном исследовании автор руководствовался принципами историзма, научной объективности, а также историко-антропологическим подходом, который позволяет обратиться к изучению человека в истории, исследованию мотивов его поведения, в частности, к действиям и поступкам Карла II и его окружения по вопросу о кофейнях. При написании работы использован и сравнительно-исторический метод, предполагающий выявление специфических характеристик отдельных кофеен на основании социально-профессионального состава их посетителей.

Основная часть

Кофейни положили начало новой культурной традиции, стали своеобразной «идеологией» нового общественного типа, со своими ритуалами, манерами и правилами. Они несли дух элегантности, отличный от других предприятий питания. Казалось бы, что мешало деловым кругам Лондона, по старой доброй привычке, собраться в пивной, выпить по кружке эля и обсудить свои насущные дела? В эпоху Реставрации наряду с появлением кофеен произошло и возрождение театра, что так же отражало новые тренды в культуре отдыха и развлечений столичного образованного общества.

Стоит нам представить себе Лондон эпохи Реставрации и многое становится понятно. К 1700 г. Лондон стал самым большим по населению городом Европы с численностью в более чем полмиллиона жителей [Wrigley, 1987: 160]. Это каждый десятый житель страны. Ритм жизни лондонца этой эпохи уже заметно отличался от повседневности средневекового обывателя. Люди стали больше общаться и перемещаться. Прагматизм и трезвость мысли (в прямом и переносном смысле) городских образованных слоев стали определять стиль жизни, работу и досуг горожанина, вернее, его отдельных социальных слоев, в особенности из числа деловых и образованных кругов. Нужно было лишь то, что смогло бы объединить их в одну группу, выделить, как самостоятельный класс. Что могло стать объединяющим фактором? Фактором сближения могли стать те или иные политические воззрения, но прагматизм среднего класса, куда входили образованные и обеспеченные слои жителей Лондона, и заключался в том, чтобы поддерживать те политические группировки, которые отстаивают их экономические интересы. Деловой и интеллектуальной элите столицы были не особо привлекательны политические дискуссии до тех пор, пока не они затрагивали их экономические интересы, особенно это стало заметно в самом конце XVII века. Этот факт, в частности, отмечает и Брайан Коуэн в выводах своей статьи, говоря о том, что политические дебаты не являлись центром жизни кофеен [Cowan, 2004: 44—45].

Пожалуй, единственное, что могло объединить обеспеченные и образованные слои лондонцев и выделить их из общей

массы — это, скажем так, «новая культура», точнее, новая эстетика, в том числе и в проведении досуга. Будучи образованной частью общества, «средний класс» находился в поиске качественно новой формы досуга, но, не найдя ее, изменил лишь «содержание», поменяв пьянящий эль на чашечку бодрящего кофе. Чай, который тоже стал своего рода национальным напитком англичан, появился лишь в XVIII веке, а его широкое распространение приходится уже на следующее столетие, когда он стал более доступным продуктом. М. Уоллер замечает, что в начале XVIII в. 1 фунт чая стоил 1 фунт стерлингов, а это было достаточно дорогое удовольствие даже для среднего класса [Уоллер, 2003: 226].

Известный современный британский исследователь Питер Борсей писал: «Настоящим пристанищем интеллектуального отдыха и развлечений были кофейни» [Borsey, 1991: 228], поэтому неслучайно, что первая из них открылась не в Лондоне, как можно было бы предположить, а в Оксфорде — университетском центре — в 1650 году [Timbs, 1866: 2]. Однако Лондон быстро наверстал упущенное: по разным данным к 1714 г. в английской столице насчитывалось от 1,4 до 2 тысяч кофеен [Borsey, 1991: 228]. Дж. Тревельян на страницах «Социальной истории» отмечает несколько иные данные, хотя, по признанию автора, не совсем точные: «В далеко не полном списке кофеен, существовавших во времена Анны, насчитывалось около пятисот названий» [Тревельян, 1959: 340]. Лишь в первой половине 60-х годов XVII в. кофейный бум стал завоевывать Лондон. Вполне закономерно, что английская столица, обладая мощными денежными и демографическими ресурсами, встала в авангарде нового вида досуга.

Лондонские кофейни стали уникальным явлением в социальной, культурной, коммерческой и политической жизни города. Томас Маколей в «Истории Англии» писал: «Иностранцы замечали, что кофейня была тем, чем Лондон в особенности отличался от всех других городов» [Маколей, 1866: 305]. Далее Маколей пишет, что кофейни были вторым домом лондонца, и, если кто-то желал найти того или иного джентльмена, обычно спрашивали не о месте его проживания на Флит-стрит или Чансерн-лейн, но о том, посещает ли он «Греческую» кофейню или «Радугу» [Маколей, 1866: 305].

Первую в Лондоне кофейню в 1652 году открыл некто Пасква Рози (Pasqua Rosee) в переулке Св. Михаила в районе Корнхилла на Флит-стрит. Пасква Рози был уроженцем Смирны, городка на западе Турции, там же он научился готовить напиток, а в достаточно зрелом возрасте был привезен в Лондон торговцем по имени Даниэл Эдвардс. Друзья Эдвардса так полюбили уникальное варево, что вскоре торговец разрешил своему турецкому служащему открыть первую кофейню в городе. «Это “предприятие” моментально завоевало успех у публики в такой степени, что в разных частях Лондона стали открываться заведения подобные этому» [Timbs, 1866: 3]. На стенах кофейни Рози прикрепил рецепт (самого Рози) приготовления кофе, там же рассказывалось о полезных свойствах нового напитка. «Качество кофе определяется сухостью зерна и степенью его прожаренности. Очень плохо, если кофейные зерна недожаренные, но также плохо, если они сильно пережарены. Для того чтобы ваш желудок чувствовал себя достаточно комфортно, лучше пить кофе в 3—4 часа по полудни или рано утром. Кофейный аромат (дух) способен наладить (нормализовать) работу желудка и излечить глазные недуги, если держать голову прямо над чашкой. Этот напиток устраняет головные боли, снимает напряжение со всех частей тела и даже излечивает подагру. Кофе способен (остановить) сонливость и помогает людям в возрасте быть в тонусе» [Timbs, 1866: 3].

Однако не все лондонцы поверили Рози. В середине 50-х гг. XVII века появился сатирический памфлет в стихах неизвестного автора под названием «Обличительная речь против кофе». Общеизвестности стало известно, что в кофейне Рози приготовлением напитка занимается слуга и кучер мистера Эдвардса. В связи с чем памфлет начинался с вопроса: «Что за варево может приготовить кучер? ... к тому же который говорит: *“Что он ни есть Англичан”*». Автор(ы) стиха в заключение пишет, кофе есть не что иное, как Stygian Stuff, т. е. адское зелье, похожее на растолченный уголь и пахнущее, как “китайский чан” или ночной горшок, а сам Кофе готовится только для того, чтобы обжигать людям языки» [Timbs, 1866: 4].

Со стороны рядовых лондонцев в городской муниципалитет посыпались жалобы на владельцев кофейен. Одна из жалоб

была обращена против мистера Джеймса Фарра владельца «Радуги» — второй по времени возникновения лондонской кофейни. Эта кофейня располагалась на Флит-стрит. Интересно, что Дж. Фарр изначально по своему роду занятий был парикмахером. Жалоба была написана 21 декабря 1657 года. Жалоба начиналась словами: «Мы представляем мистера Джеймса Фарра, парикмахера, продавца кофе и кофевара. Во время приготовления напитка страдаем мы, его соседи, мучаясь от неприятного запаха, копоти, дыма и огня, который горит в доме Дж. Фарра большую часть дня и ночи, внушая нам (соседям) чувство страха и опасности» [Timbs, 1866: 14].

Кофейни несли иной воздух чего-то более возвышенного и элегантного, в отличие от других предприятий питания. Власти стали предпринимать попытки воздействовать на деятельность кофейен. В начале кофейни регулировались подобно другим питейным заведениям (пивным, тавернам и т. п.). Однако эти заведения специализировались на продаже новых горячих напитков (кофе, чая, шоколада, щербета) и были включены в Акт парламента 1663 г. [Statutes... , 1819: 491]. Такая торговля требовала лицензирования мировыми судьями графств. Главной причиной появления этого статута был сбор налога для короны с этих товаров. Владельцы кофейен обратились за лицензиями на эти товары к мировым судьям и лорд-мэру. Часто владельцы кофейен добывали лицензии и на другие виды продовольственных товаров. Лицензирование кофейен преследовало две основные цели — получение налога с экзотических заморских товаров и своеобразное создание социальной дисциплины. Для властей всех уровней было важно держать определенный минимальный уровень таких заведений, а лицензирование было формой такого контроля. Лорд-мэр и городская элита видели в подобных предприятиях (пивных, кофейнях, тавернах) потенциальную неприятность, а поэтому нужно было тщательное регулирование. Лицензию могли отменить любому, чья репутация и поведение не устраивали церковь и городские власти. По мнению Б. Коуэна, королевские прокламации приказывали местным властям следить за доброй репутацией и лояльностью кофейен и подобных заведений [Cowan, 2005: 29].

Наличие лицензией давало определенную безопасность и легальное признание его обладателю. Это было своего рода

привилегией, а ее владелец был членом торговой корпорации, чьи права были защищены от посягательств королевской власти. Кофейни, как и другие подобные заведения внутри городской юрисдикции, требовали права на свободу своей торговли. Поэтому владельцы кофеен ревностно оберегали свои привилегии. Б. Коуэн приводит пример, что в 1672 г. владельцы 140 кофеен подписали петицию лорду-казначею, в которой жаловались на преследование со стороны агентов короны, хотя они имели лицензии от властей. Однако корона не имела успеха в отмене всей системы лицензирования кофеен [Cowan, 2005: 32]. Экстраординарные доходы от лицензионной системы были важной составной частью королевских финансов.

Королевская власть в лице Карла II и его ближайшего окружения видела в кофейнях рассадник крамолы и потенциальной опасности. Поэтому корона следила за деятельностью кофеен и предпринимала неоднократные попытки их закрытия. В конце 1666 г. Карл II обсуждал с графом Кларендоном возможность избавления от кофеен. Граф предложил запретить кофейни королевской прокламацией и провести это через Тайный Совет, но государственный секретарь Вильям Ковентри не согласился с этим предложением из-за важности налогов на кофе для короны. Вместо этого Тайный Совет выпустил приказ о запрете продавать печатные работы уличным торговцам, которые продавали пасквили и памфлеты в кофейнях [Cowan, 2005: 35—36].

В конце декабря 1675 г. король Карл II издал прокламацию, которая с января 1676 г. запрещала розничную продажу кофе, чая, шоколада или щербета, а мировые судьи должны отменить лицензию на их продажу [Cowan, 2005: 39]. Однако это вызвало волну возмущения. Уже через несколько дней под натиском общественности король собственноручно порвал документ [Timbs, 1866: 16]. Дальнейшие попытки регулирования деятельности кофеен со стороны королевской власти в 80-е гг. XVII в., как отмечает Б. Коуэн, закончились безрезультатно [Cowan, 2005: 40—42].

Не следует заблуждаться по поводу того, что «новая эстетика» появилась тут же, вслед за появлением в Англии кофейного напитка. Некоторое время и по форме, и по содержанию английские кофейни мало чем отличались от типичных пабов и таверн,

прежде всего потому, что на ранней стадии своего развития хозяева заведений еще не знали, кто их клиент в широком смысле.

Дж. Тимбс приводит текст из сочинения Неда Уорда (1660—1731), известного публициста и обличителя нравов и манер жителей английской столицы. Это эссе было написано им якобы от имени сельского жителя. Н. Уорд дает следующую картину кофейни 1700 г.: «Снующая туда-сюда толпа, напоминала рой крыс на разграбленном складе сыра. Кто-то приходил, кто-то уходил; кто-то метался, кто-то разговаривал; немногие пили кофе, курили и что-то обсуждали; все провоняло табаком, словно в каюте баржи. На краю длинного стола неподалеку от кресла лежала Библия. Рядом стояли кувшины и длинные курительные трубки. В очаге горел огонь, над которым висел высокий кофейник. Чуть ниже маленькой книжной полки, заставленной бутылками, кубками и рекламой пудры для улучшения цвета лица, повесили парламентское постановление о вреде пьянства и употребления бранных слов. Стены были украшены позолоченными рамками, словно кузница в подковах. В рамках находились “редкости”; склянки желтого эликсира, какие-то пилюли и средства по уходу за париками, нюхательный табак, зубной порошок, сделанный из корней кофейного куста, карамели и леденцы от кашля. Мой друг так и не сказал мне, что он привел меня в кофейню. Однако я посчитал, что попал в какой-то дешевый притон» [Timbs, 1866: 6].

В описании Н. Уорда упоминается «парламентский листок о вреде пьянства и употребления бранных слов» [Timbs, 1866: 6]. По сути, это один из элементов новой эстетики (проведения досуга), ее девиз. Важно то, что владельцы кофеен призывали посетителей следовать хоть каким-то нормам поведения, тем самым производя своеобразную «селекцию» завсегдатаев. Тем, кому были не по душе новые правила, искали другое место для проведения досуга и наоборот.

Деятельность всех лондонских кофеен регламентировалась по королевскому статуту от 1663 года [Statutes... , 1819: 491]. В том же году их владельцы согласились принять единый кодекс правил заведений, который был разослан по почте и назывался «Правила и Порядки Кофеен». В тексте этого документа говорилось, что в стенах кофейни все люди равны, независимо от их

социального и имущественного статуса. Любой посетитель имел полное право не уступать свое место более «благородному» клиенту. Инициаторы ссор обязаны были уплатить «штраф» в двенадцать пенсов и за свой счет угостить «обиженного» блюдом t'atone, дабы принести тем самым извинение. В стенах кофейни запрещалось скорбеть по умершим, говорить на религиозные темы, браня «Священное Писание», критиковать дела государственной важности, играть в азартные игры и заключать пари на сумму свыше пяти пенсов. Разрешалось «оживленно беседовать, но не слишком громко» [Timbs, 1866: 6—7].

Вход в Лондонские кофейни был платным и стоил около пенни [Timbs, 1866: 37]. В принципе, любой человек, кто был прилично одет, мог посетить кофейню, выкурить трубку табака, выпить чашечку кофе, почитать газету или просто посплетничать. Наиболее яркий пример такого поведения дает Джозеф Аддисон (1672—1719) — один из создателей популярных просветительских журналов, среди которых числятся знаменитый «The Tatler» (Болтун) и «The Spectator» (Зритель). В первом номере «The Spectator» Дж. Аддисон, в частности, писал, что он иногда заглядывает в кофейню Уилла и слушает с большим вниманием рассказы в этой небольшой аудитории, а временами курит трубку в кофейне Чайлда: «мое лицо хорошо знакомо в Греческом кафе и Кофейном дереве» [Addison, 1853: 29].

В период становления журналистики и почтовой системы кофейни были центром сосредоточения новостей и информации.

Дж. Тимбс, в частности, приводит слова из песни 1675 г., где говорится о том, что следует посещать кофейни ради того, чтобы услышать новости о главных событиях дня: о победе в сражении, морских битвах, заговорах и т. п. событиях [Timbs, 1866: 23—24]. Большинство кофеен предлагало газеты своим посетителям «практически» бесплатно. Тем не менее достоверно известно, что владельцы включали стоимость газет в плату за вход или кофе. На стенах заведения посетитель читал бесчисленные объявления о купле-продаже, о вербовке людей для колониальной экспедиции и т. д. В результате, кофейни стали притягивать к себе деловые круги города. Для купца было крайне удобно, сидя за столом, знакомиться с широким спектром информации.

Вслед за распространением новостей следовало распространение идей. И кофейни стали своеобразным форумом для их обсуждения. Как писал Дж. М. Тревельян: «Универсальной свободой речи Английской нации, ее квинтэссенцией была жизнь кофейни» [Тревельян, 1959: 341].

С самого начала своего существования Лондонские кофейни стали культивировать свой собственный неповторимый стиль, ориентируясь на строго определенный круг клиентов, подбирая для них ассортимент различных сортов кофе. Каждая кофейня ассоциировалась как с определенным кругом клиентов, так и со своим «только-у-нас» сортом кофейного напитка. Этот факт неоднократно упоминается Аддисоном в его «Зрителе» (№: 402, 403, 481, 568). Он отмечает, что каждая кофейня имела свой особый круг посетителей [Timbs, 1866: 39].

Вообще говоря, круг посетителей (client 'egrave) был большей частью зависим от того или иного района Лондона. Скажем, кофейни типа «Ллойда», «Гарвей» и «Джонатан», находившиеся рядом с Королевской биржей, были местом встреч деловых кругов города. В частности, Дж. Аддисон пишет о том, что в последние десять лет в «Джонатане» он встречает купцов и маклеров с Биржи [Addison, 1853: 30]. Кофейня «Гарвей», которая, так же как и «Джонатан», располагалась на Биржевой улице (Change-Alley), посещалась самыми зажиточными горожанами, иностранными банкирами и биржевиками [Timbs, 1866: 7].

Кофейня «Ллойд», расположенная на Ломбард-стрит, как отмечает Дж. Тимбс, возможно, была старейшей для истеблишмента Сити. С перестройкой Биржи в ней появилась «комната для подписей», которая посещалась наиболее известными купцами, судовладельцами, страховщиками, брокерами. На входе в эту комнату вывешивались списки кораблей, расписание их прибытия и отплытия, содержание груза и другие корабельные новости [Timbs, 1866: 27]. К середине XIX в. эти книги превратились в знаменитый Регистр Ллойда.

Подобного вида специализация посетителей была и у кофейни «Иерусалим». Она была известна еще и как «городская служба новостей» (City news-room). Кофейня прославилась тем, что в ее стенах частыми гостями были торговцы практически со всех концов света, а со второй половины XVIII в. ее посещали

купцы из Макао, Аделаиды, Мадраса, Сиднея и других центров колониальной торговли. В «Иерусалиме» вывешивали так называемый «shipping list», список кораблей, даты их отправления в пункты назначения. Каждый, кто желал присоединиться к экспедиции или отправить груз, мог договориться об этом в стенах кофейни. В «Иерусалим» часто приходили судовладельцы для того, чтобы нанять команду матросов или капитана корабля [Timbs, 1866: 30].

Кофейни, расположенные в Вестминстере, часто посещали политические деятели разного уровня. Дж. Аддисон в первом номере «The Spectator» пишет, что по субботам вечером он заходит в кофейню «Сент-Джеймс» («St. James») и иногда присоединяется к небольшой компании политиков во внутренней комнате [Addison, 1853: 29]. Здесь в основном собирались виги. Это кафе располагалось на одноименной улице рядом с Сент-Джеймским дворцом, и его часто посещали офицеры гвардии. Дж. Тимбс пишет, что владелец кофейни (Эллиот) был дружен с Джонатаном Свифтом, который часто посещал его заведение, и далее он отмечает, что некоторые джентльмены приезжали посетить кафе даже с другого конца города хотя бы раз в неделю [Timbs, 1866: 51—52].

А вот кофейня «Том Кинг» имела более чем сомнительную репутацию. Дж. Тимбс пишет, что это заведение было основано Томом Кингом в 1713 г. и перешло по наследству в управление его вдове Молл, которая была остроумной женщиной. По сути «Том Кинг» был первым ночным клубом Лондона. Девизом кофейни стали слова одного из посетителей: «Это место для тех господ, чьи кровати неизвестно где». Позднее, Филдинг напишет про кофейню: «Какой развратник обойдет “Тома Кинга”»? Постоянными посетителями заведения были «итонские мальчишки» — студенты одноименного колледжа [Timbs, 1866: 84]. Про них довольно часто можно было прочитать на страницах утренних газет Лондона в разделе «Скандалы и происшествия». Понятно, что с одного кофе посетители навряд ли стали бы вести себя столь неподобающим образом. Причиной этого были спиртные напитки, продававшиеся в стенах кофейен. Поэтому владельцу этого заведения штрафовали за беспорядки [Timbs, 1866: 85]. Дурную славу имела и кофейня Сквайра в Холборне. Дж. Тимбс пишет, что рядом был квартал Грейс Инн Гарден, который был

прибежищем опасных слоев общества (карманных воришек, бандитов, сутенеров) [Timbs, 1866: 96—98].

Местом встреч лондонских интеллектуалов и священнослужителей были кофейни, расположенные вокруг собора Св. Павла. Это, в частности, кофейня Чайлда, которая была расположена во дворе собора и посещалась в основном клириками и членами Королевского общества [Timbs, 1866: 91]. «Греческая» кофейня на Треднидл-стрит, как пишет Дж. Тимбс, была прибежищем дискуссий для юристов из Темпла, и ее посещали члены Королевского общества. В том числе его президент — Исаак Ньютон [Timbs, 1866: 106—107].

Кофейня «Уиллс», основанная Уильямом Уорвином на Рассел-стрит рядом с Ковент Гарденом, стала широко известна далеко за пределами Лондона. Ее основными посетителями были литературные и околотитературные круги столицы. В кофейне был организован своего рода кружок, лидером которого был поэт Джон Драйден. Именно он и сделал кофейню знаменитой. В течение тридцати лет Драйден формировал общественный вкус, тем самым завоевал авторитет и признательность читающей публики, он же сформировал круг клиентов кофейни. Нед Уорд писал, что молодые поэты робко приближались к столу, за которым сидел Драйден, чтобы узнать его мнение [Timbs, 1866: 57]. Самуэль Пипс (1633—1703), автор известного «Дневника» и член Королевского общества, тоже упоминает кофейню «Уиллс», упоминает и Драйдена, которого он знал еще по учебе в Кембридже [Timbs, 1866: 60].

Однако, помимо ярых сторонников, у кофейни У. Уорвина были и недоброжелатели. Среди самых известных можно назвать Джонатана Свифта, который неоднократно и довольно пренебрежительно отзывался о гостях кофейни. «Худшая беседа, которую я когда-либо слышал, имела место быть в кофейне Уорвина. Собрались пять или шесть человек обсуждать какую-то пустяковую и глупую пьесу, но с необычайно серьезным видом, а проще говоря, сотрясали воздух, будто от их болтовни зависела судьба королевства» [Timbs, 1866: 61]. Со смертью Драйдена в 1701 г. популярность кофейни стала постепенно падать, но она еще оставалась приютом для писателей.

У владельцев кофейен были свои «приманки» для посетителей. Оригинальнее всех оказались владельцы кофейни «Дон Сальтеро», расположенной на Чейни-стрит, дом 18, открывшейся в 1695 году. «Дон Сальтеро» принадлежала господам Хансу Слоану и вице-адмиралу Мундену, последний довольно долгое время пробыл в Испании, вывез оттуда много редкостей и в результате дал оригинальное название кофейни [Timbs, 1866: 45]. А вот второе имя у кофейни появилось благодаря лондонским обывателям и посетителям. Широкому кругу «Сальтеро» была известна как «Музей». Мунден развесил предметы своей коллекции «редкостей» по стенам кофейни, отчего она превратилась в выставочный центр. Дж. Тимбс приводит отрывок из «Болтуна» от 24 июня 1700 г., написанного Р. Стилом: «Когда я вошел, у меня даже не было времени поприветствовать компанию своих друзей. Все мое внимание было приковано к тысячам забавных штучек (gimcracks), развешанных по всем стенам комнаты. Когда мое любопытство несколько спало, — продолжает Р. Стил, — я стал различать и понимать смысл представленных вещей. Среди прочих можно было видеть образцы «зубочисток» (gingivistee/teeth-drawers). Только разобравшись со своими чувствами, я смог выразить свое почтение гостям кофейни и самому мистеру Слоану, парикмахеру и замечательному антиквару» [Timbs, 1866: 46]. Помимо всякого «барахла», в «Доне Сальтеро» попадались действительно редкие и необычные вещи. По сведениям Дж. Тимбса, в «Музее» можно было видеть «китайские вазы в виде женских фигур, забавные механизмы итальянских мастеров» [Timbs, 1866: 47].

Одной из самых популярных кофейен начала XVIII в., где собиралась писательская публика, была «Кнопка». Она располагалась на Рассел-стрит Ковент-Гардена. Столь быстрая популярность пришла к заведению благодаря Джозефу Аддисону. Фактическим хозяином «Кнопки» был Дэниел Буттон [Timbs, 1866: 64]. Аддисону же принадлежала идея «почтового ящика», который был открыт в 1713 г. Совместно со своим другом журналистом Р. Стилом в стенах кофейни они придумали поставить львиную голову, имитацию наиболее популярных венецианских статуй, но на самом деле — не что иное, как контейнер для писем. Каждый желающий мог написать письмо о чем угодно и вложить его в львиную пасть. Наиболее интересные письма становились предметом

обсуждения в стенах кофейни и на страницах журнала «Опекун». Совместная «акция» журнала и кофейни вскоре принесла ее создателям первые плоды в виде неплохой прибыли для «Кнопки» и солидной репутации для ее владельцев. Вскоре лавиной головой заинтересовались молодые авторы, которые использовали почтовый ящик, как один из возможных способов публикации своих произведений. «Тем самым, “Кнопка” объединила всех лондонских графоманов под одной крышей». Аддисон, дабы держать публику в постоянном внимании к своему заведению, на страницах «Опекуна» давал инструкции молодым авторам, как безопаснее и, главное, незаметнее передать рукописи в «лавинную пасть», превратив банальную отправку писем в шпионский детектив [Timbs, 1866: 64—65]. В результате, Аддисон добился своего — «Кнопка» стала новым и очень значимым литературным центром не только Лондона, но и Англии в целом. Через какое-то время в стенах кофейни родился литературный кружок, членами которого, помимо самого Аддисона и Стила, были доктор Арбетнот, Александр Поуп, Джонатан Квик. Своей целью члены кружка видели создание новой литературной эстетики и пытались внедрить новые литературные стили. Их трибуной стали три основных лондонских издания: «Болтун», «Зритель» и «Опекун» [Timbs, 1866: 66—67].

Другим подобным заведением была кофейня «Слаутер» на Сент-Мартин-лейн, основанная в 1692 г. Дж. Тимбс пишет, что эта кофейня было известным прибежищем художников и скульпторов, а его постоянным посетителем был знаменитый английский живописец и гравер У. Хогарт [Timbs, 1866: 100].

Следует упомянуть и о ценах в кофейнях, кроме платы за вход. Розничная цена кофе «на вынос» в 1662 г. в кофейне «Голова турка» была от 1 шиллинга 6 пенсов за фунт зерен индийского кофе и по 3 шиллинга за фунт зерен турецкого кофе, ароматизированный кофе стоил дороже всего — 10 шиллингов за фунт. Какао продавалось по цене 2 шиллинга и 2 пенса за фунт. Именно это заведение первым в Лондоне стало продавать кофейные зерна на вынос, и тогда же владельцы предложили своим посетителям покупать восточные сладости и экзотические фрукты: турецкий шербет, лимон и т. д. Цена фунта чая достигала 60 шиллингов [Timbs, 1866: 93]. Был, конечно, и набор спиртных напитков.

К примеру, в кофейне «Лондон» посетителям предлагались на выбор арак (рисовое вино) по цене 8 шиллингов за кварту (1,14 л.), лучшее бренди, ром или пунш по 6 шиллингов за ту же кварту [Timbs, 1866: 92].

Художественная литература того времени тоже не обошла стороной феномен кофеен. Д. Дефо, в частности, тоже отправляет своих литературных героев в кофейни. В «Истории полковника Джека» описан сюжет, где главный герой пьет кофе в кофейне со своими друзьями: «... за разговором мы уже пили по третий чашке замечательного ароматного кофе» [Дефо, 1987: 196]. В романе «Счастливая куртизанка, или Роксана» главная героиня заходит в кофейню со своей подругой, где они «выпили по чашке ароматного горячего кофе» [Дефо, 2005: 201].

Заключение

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что феномен появления кофеен свидетельствует о возникновении новой эстетики досуга зажиточных и образованных социальных слоев столичного общества Англии эпохи поздних Стюартов. Конечно, трудно определить специализацию или дать какую-то классификацию многочисленных лондонских кофеен, ибо не все они отражены в источниках. В данной статье приведены примеры деятельности наиболее известных кофейных заведений столицы. Эта информация дает возможность сделать некоторые выводы. Кофейни этого времени служат примером того, как свободное времяпрепровождение англичанина приобретает практический смысл, тесно переплетаясь с его эстетическими ценностями и профессиональными интересами, т. е. происходил процесс рационализации досуга. Праздность и бесцельность уступают место прагматичности и целенаправленности. Времяпрепровождение в кофейнях становится частью делового этикета и почти ежедневного расписания предпринимательских кругов Сити. В кофейнях «Ллойд», «Гарвей» и «Джонатан», находившихся рядом с Королевской биржей, деловые круги города за чашкой кофе обсуждали и заключали сделки, совмещая досуг с профессиональной деятельностью. Кроме того, кофейни стали одновременно выполнять и функции рекламного заведения, ибо в них не только заключались сделки, обсуждались

новости, но и вывешивались различные объявления и т. п. Подобного вида специализация была у кофейни «Иерусалим», известной еще и как «городская служба новостей». Литературная элита столицы собиралась в кофейнях «Уиллс» и «Кнопка», а художественная богема в «Слаутере». Они также являлись своеобразными творческими мастерскими, где ведущие литераторы, в частности, Драйден или Аддисон давали оценки произведениям своих младших братьев. Кофейня «Дон Сальтеро» стала своего рода музейным заведением для привлечения посетителей. Можно констатировать, что рассмотренные нами кофейни были действительно новым видом досуга с более высокими эстетическими запросами для их посетителей и соответствующими правилами поведения. Однако дух меркантилизма и рационализма, который процветал в эту эпоху, приводил к тому, что часть посетителей этих заведений совмещала досуг и профессиональную деятельность. Насколько преобладала та или иная сфера однозначно ответить нельзя, ибо происходило некоторое смешение этих понятий.

Список источников

- Акройд П.* Лондон. Биография. М.: Альпина Паблицер, 2016. 894 с.
- Дефо Д.* История полковника Джека. Минск: Маст. літ., 1987. 255 с.
- Дефо Д.* Счастливая куртизанка, или Роксана. М.: Эксмо, 2005. 296 с.
- Евсеев В. А.* «Городская цивилизация» Англии от Тюдоров до Стюартов. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2019. 636 с.
- Киясов С. Е., Мосолкина Т. В., Чернова Л. Н.* Лондон на рубеже эпох: мозаика повседневности (XVI—XVII вв.). Саратов: Техно-Декор, 2015. 194 с.
- Маколей Т.* История Англии // Собр. соч. в 15 т. СПб.; М.: Изд-е книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1864—1866. Т. VI. 1866. 384 с.
- Тревелиан Дж.* Социальная история Англии: обзор шести столетий от Чосера до королевы Виктории / пер. с англ. А. А. Крушинской, К. Н. Татариновой, под ред. и пред. В. Ф. Семенова. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1959. 607 с.
- Уоллер М.* Лондон. 1700 год / пер. с англ. М. В. Пановой, Т. П. Церр. Смоленск: Русич, 2003. 384 с.
- Addison J.* The Spectator, with sketches of the lives of the authors, and explanatory notes: in 12 vols. Philadelphia: Crissy & Markley, 1853. Vol. 1. 305 p. URL: <https://books.google.ru/books?id=>

- XPkyAQAAMAAJ&hl=ru& source=gb_s_navlinks_s (дата обращения: 30.08.2021).
- Borsey P. *The English urban Renaissance: Culture and Society in the Provincial Town. 1660—1770*. Oxford: Clarendon Press, 1991. 416 p.
- Cowan B. The rise of the Coffeehouse Reconsidered // *The Historical Journal*. 2004. Vol. 47, iss. 1. P. 21—46.
- Cowan B. *The Social Life of Coffee: The Emergence of British Coffeehouse*. New Haven; L.: Yale University Press, 2005. 364 p.
- Cowan B. English Coffeehouses and French Salons: Rethinking Habermas, Gender and Sociability in Early Modern French and British Historiography // *Making Space Public in Early Modern Europe: Performance, Geography, Privacy* / ed. by A. Vanhaelen, J. P. Ward. L.: Routledge, 2013. P. 41—53.
- Pincus S. “Coffee Politicians Does Create”: Coffeehouses and Restoration Political Culture // *The Journal of Modern History*. 1995. Vol. 67, no.4. P. 807—835.
- The Statutes of the Realm of England: in 11 vols / ed. by A. Luders, T. Tomlins L.: Printed by George Eyre and Andrew Strahan, Printers to the King’s most Excellent Majesty, 1810—1828. Vol. 5. 1819. 942 p.
- Timbs J. *Club life of London with anecdotes of the clubs, coffee-houses and taverns of the metropolis during the 17 th, 18 th, and 19 th centuries: in 2 vols*. L.: R. Bentley, publisher in ordinary to her majesty, 1866. Vol. 2. 320 p.
- Wrigley E. A. *People, Cities and Wealth: The transformation of traditional society*. Oxford: Blackwell, 1987. 348 p.

References

- Addison, J. (1853), *The Spectator, with sketches of the lives of the authors, and explanatory notes*, vol. 1, Crissy & Markley, Philadelphia, available at: https://books.google.ru/books?id=XPkyAQAAMAAJ&hl=ru&source=gb_s_navlinks_s (Accessed 30 August 2021).
- Akroid, P. (2016), *London. Biografiia* [London. Biography], Al’pina Publisher, Moscow, Russia.
- Borsey, P. (1991), *The English urban Renaissance: Culture and Society in the Provincial Town. 1660—1770*, Clarendon Press, Oxford, UK.
- Cowan, B. (2004), ‘The rise of the coffeehouse Reconsidered’, *The Historical Journal*, vol. 47, iss. 1, pp. 21—46.

- Cowan, B. (2005), *The Social Life of Coffee: The Emergence of British Coffeehouse*, Yale University Press, New Haven, London, USA, UK.
- Cowan, B. (2013), 'English Coffeehouses and French Salons: Rethinking Habermas, Gender and Sociability in Early Modern French and British Historiography', *Making Space Public in Early Modern Europe: Performance, Geography, Privacy*, in Vanhaelen, A., Ward, J. P. (eds.), Routledge, London, pp. 41—53.
- Defo, D. (1987), *Istoriia polkovnika Dzheka* [Colonel Jack's story], Mastatskaia literatura, Minsk, Belorussia.
- Defo, D. (2005), *Schastliivaia kurtizanka, ili Roksana* [The Happy Courtesan, or Roxanne], Eksmo, Moscow, Russia.
- Evseev, V. A. (2019), "*Gorodskaiia tsivilizatsiia*" *Anglii ot Tiudorov do Stiuartov* [England's "urban civilization" from the Tudors to the Stuarts], Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Moscow, St. Petersburg, Russia.
- Kiyasov, S. E., Mosolkina, T. V. and Chernova, L. N. (2015), *London na rubezhe epokh: mozaika povsednevnosti (XVI—XVII vekov)* [London at the turn of the eras: a mosaic of everyday life (XVI—XVII centuries)], Tekhno-Dekor, Saratov, Russia.
- Luders, A. and Tomlins, T. (eds.) (1819) *The Statutes of the Realm of England*, in 11 vols, vol. 5, Printed by George Eyre and Andrew Strahan, Printers to the King's most Excellent Majesty, London, UK.
- Macaulay, T. (1866), 'History of England', *Sobranie sochinenii v 15 tomakh* [Collected works in 15 volumes], vol. VI, Izdanie knigoprodavsa-tipografa M. O. Vol'fa, St. Petersburg, Moscow, Russia.
- Pincus, S. (1995). "'Coffee Politicians Does Create": Coffeehouses and Restoration Political Culture', *The Journal of Modern History*, vol. 67, no. 4, pp. 807—834.
- Timbs, J. (1866), *Club life of London, with anecdotes of the clubs, coffee-houses and taverns of the metropolis during the 17 th, 18 th, and 19 th centuries*, in 2 vols, vol. 2, R. Bentley, publisher in ordinary to her majesty, London, UK.
- Trevelyan, G. (1959), *Sotsial'naia istoriia Anglii: obzor shesti stoletii ot Chosera do korolevy Viktorii* [The Social History of England: An Overview of Six Centuries from Chaucer to Queen Victoria], Translated by Krushinskaya, A. A., Tatarinova, K. N., in Semenov, V. F. (ed.), Izdatel'stvo inostrannoi literatury, Moscow, Russia.
- Waller, M. (2003), *London. 1700 god* [London. 1700 year], Translated by Panova, M. V. and Zerr, T. P., Rusich, Smolensk, Russia.
- Wrigley, E. A. (1987), *People, Cities and Wealth: The transformation of traditional society*, Blackwell, Oxford, UK.

Статья поступила в редакцию 25.09.2021; одобрена после рецензирования 16.10.2021; принята к публикации 27.10.2021.

The article was submitted 25.09.2021; approved after reviewing 16.10.2021; accepted for publication 27.10.2021.

Информация об авторе / Information about the author

В. А. Евсеев — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия.

V. A. Evseev — Doctor of Science (History), Professor, Professor of the Department of General History and International Relations, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.